

Тихомирова Анастасия

ЭКСКАЛАТОР - F

18+

Анастасия Тихомирова

Эскалатор – F

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Тихомирова А. В.

Экскалатор – F / А. В. Тихомирова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Я сразу буду рекламировать посаженную на колени горькую Красоту – враспояску булькающий распознанный сочный опыт, который иногда выкидышем кувьркается на подошве памяти, съеденную электро-судорожной терапией. Выскакивает как серебряный карп, его плавника вначале не видно. Тряска голубоглазая со сверкой часов и тонким продлением времени в настоящий момент, длина происходящего одаривает марципановым преткновением и некоторой нестыдливой сущностью. Формулировка уже синонимична чему-то с заглядыванием в «пост», например, «постмодернизм». Все сублимированные почесывания собраны крикливым сплетением отдаленного притягивающего звука, дуновения.

© Тихомирова А. В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Анастасия Тихомирова

Эскалатор – F

Предисловие, каузальность чтения моей рукописи, пестрит коралловыми начинаниями обозримого функционального дна.

Я сразу буду рекламировать посаженную на колени горькую Красоту – враспояску булькающий распознанный сочный опыт, который иногда выкидышем кувыркается на подошве памяти, съеденную электро-судорожной терапией. Выскакивает как серебряный карп, его плавника вначале не видно. Тряска голубоглазая со сверкой часов и тонким продлением времени в настоящий момент, длина происходящего одаривает марципановым преткновением и некоторой нестыдливой сущностью. Формулировка уже синонимична чему-то с заглядыванием в «пост», например, «постмодернизм». Все сублимированные почесывания собраны крикливым сплетением отдаленного притягивающего звука, дуновения.

Чихаете от перца или от переизбытка микробов – дело непроизвольное, тыкающее своей жизнью, которая бросается кардинальным лирическим становлением. Зато воображение может проявлять себя, с вашего позволения, контролируемо – при обладании, прямоте. Правда, «Надуманное» всегда считалось лосьоном после бритья. Тогда как воля, всеильная воля, присутствует, когда вы не просто реагируете на готовое, а создаете повод для реакции сами: «Только не при философском рассмотрении, мышление, как только формальная деятельность берет свое содержание извне, как данное, и что содержание в них не осознается как определенное изнутри мыслью, лежащей в его основании, что, следовательно, содержание и форма не вполне проникают друг в друга. Между тем, при философском воззрении это раздвоение отпадает.» – пушее воображение есть солидарность с вашей божественной потенцией. Сотворить еще один мир, который вам подвластен, и не теряться в мире предоставленном, как в мутной воде и не видеть своей плоти, к тому же с замурованным зрением. Пусть вас покрывают всякие прочие реминисценции и разложения мысли, окутывающие по своему принципу, который вы же и придумали. Пусть концепции, которые не поместились в объективность головы снятся вам мультимедийно и с гламурным интересом заворачивают вас в багет собственности.

ГВОЗДЬ, ЗАБИТЫЙ В ПЕПЕЛ.

Случилось утро – пресно и стерильно. Всякий тромбон или цифровая антропология не побудила бы его проснуться с едким трудоголизмом – гениально. Марш ему был не близок вовсе. Ножки его трепетали, как птенцы, которые уже взростеют, но никак не могут взлететь ровно. Бесшумность матраса. Шепот одеяла, которое открывалось взмахом колена и голени – дружественно. Провод, ворвавшийся в струи жизни, которая снова желает уснуть, прямо между пальцев ног, щекотка не из приятных – гнусная змея, эмпирическое здесь было неуместно, хотелось, чтобы этот настолько материальный объект попросту стерся в призрака. И пусть тогда цепляется сколько угодно. Смачно вышел он из комнаты. Не удалось взъерошить паркет. Все процедуры для сладкого личика, которое блестит в отражении паркета, казавшегося шершаво-колючим, поскольку Александр Иванович шатался и перебирался то тут, то там. Он макнул палец в сок, который стоял в стакане прозрачном, интонирующий спокойствию. И выпил негласно сок, немного согнув шею назад.

Кротость и либеральность в нравах. Академическая походка за халатом. В одеянии он скоропостижен на узнаваемость. Зачем его видеть обнаженным? – Останется натура, которая отчаянно не дремлет, трепещет без правил – одурачивает. Я хочу сотворить только разве что «эйдос» его умопомрачительный, свергнув с пыли отчуждающей посев натурального уродства.

Он собрался на работу и так ловко подхватил невнятную мысль: «Надо ей ответить» – она его любимая пациентка, так что когда он вышел на улицу – плевать ему было на мороз и то, что

нет перчаток, уже обветрившимися руками он взял телефон и читал ее сообщения. Этой пациенткой была я. Лучший психиатр в городе был моим другом. Я же полностью поработана его славными оговорками, которые не бросаются. Или изъясными, которые я прелестно выравниваю. Ладно. Это крайнее описание неправдиво. Я их придумывала для придания несвойственной ему робости, чтобы убрать излишнюю сытость им. Понимаете? Я только вот не знала, куда деть платоническую любовь, к какому разряду подчинить. Между нами была уязвимая раскрепощенность – было максимально – объятие. А большего мне не нужно. Когда мы в который раз беседовали по телефону, жарко хлестко и энергично, с прищуренными глазами, так как казалось, что кто-то из нас ошибается или говорит непростую ерунду. Мечом пораженная его фразой, которая так лихо овладела мной. Когда я призналась ему в любви и оторвой понеслась утверждениями, насколько это серьезно. Он сказал: «Твоя влюбленность – юношеские фантазии». Меня это попросту обескуражило – я знала длинное опровержение: Под фантазиями следует понимать неочерченные, неорганизованные представления, типы, виды. Это наблюдается у всех. Их свойства диктуют путаницу в голове, если их не признать, как таковые. Если же их регистрировать открыто и со знанием нашествия, то они такие милашки и бунтари в одном комплекте. Тогда в голове пустыня, но это не символ пустоты – твердость пустыни поражает. Безумием это назвать нельзя, поскольку ум участвует, но уже как нечто посредственное. Он вовсе не торжествует. Если вы хотите познать эти чувства, то примите их, эти выносимые страсти, иногда с избытком переливающиеся сверх меры. Но ни в коем случае не дешевые страсти, в момент легкого безумия. Страсти, неуспевшие насытиться корыстью, эгоизмом, самые открытые и откровенные. Например, чувство любви с всесильным контуром разума, ума – есть всегда уже заплесневелые и вторичные – вожделиние, похоть, в отличии от страстей абстрактных, не касающихся плоти. Их легко узнать, эти гнилые страсти, они просты – вожделиние и похоть, как 2+2 – очень заметны – любому – регистрация мгновенна, как этих чувств, так и мнения разума, ума. Я влюблена в него. В его живую потенциальность, нрав, вкус, характер, судьбу. Так что назвать влюбленность юношескими фантазиями = сказать, что у меня очень чистое и открытое сердце, страсти так и обнадеживают. Кроме того, фантазиями делает эти свежие страсти он. Так как результатов они не имеют только из-за него, ведь контакт я составляю. Я делаю все, что могу со своей стороны. Выводом фантазий должно быть полученное от меня уже его созревшее вдохновение. Его абстракция – я в нем, как абстракция.

Но вернемся к А. И. Он такой нежный и потому ему покорны все лакомые и под законом тяготения эстетики, кусочки – очень намагниченные.

Кроме того, он отрезвляет меня точками, поставленными в конце предложения любого сообщения, но и злит до безобразия. С этого могут начаться мои кувыркания на кровати, в том смысле, что я не нахожу себе места – швыряние рук – вкус смерти в такие моменты так прилипчив. Все это может быть антипрославлением его.

Оказалось, он правильно действовал. Придал глобальный смысл жизни – заключается в том, чтобы пожелать умереть – желание роскошное, как меха на светской львице от Ив Сен Лоран. «Смысл жизни в том, чтобы хотеть умереть.» – Когда он не отвечает на все сообщения, я в диком бешенстве жду без дюйма терпения. Хлопок бьется у меня в руках – учащенное дыхание. Конструируется размывание чувств к нему – он дорог и отвратителен – одновременно. Его гетто символизирует не простой замок, а разветвление вражды, которая оплакана гонением, поскольку любовь трепещет громче всех, хотя она и замазана толстой кистью. Как же так? Она все еще присутствует из-за самодовольства и напевания слога – «люблю». Первое – есть источник власти и координации, поскольку находится все время под жаждой. Последнее – есть транс, программирование самого себя, как медитация – полная концентрация, а нутро уже понимает, как есть.

Послушайте-ка: «Смысл жизни в том, чтобы хотеть умереть» – Действие со слезами, покрытое как бы пенкой счастья. Хотя мешанина грусти половинчатой с весельем или счастьем

– есть игрушечное чувство. Но грусть можно переживать осознанно и плакать, при этом признавать красоту грусти, как данное – только так можно сделать ее слабее. Грусти человек предается быстрее, одержимее, в отличии от счастья. Например, произошло событие, и оно требует веселья, попросту вызывает и, вдруг, нарушаются планы, что отвратительно для вас и грусть оказывается сильнее прожитого, стелящего свои остатки, счастья. Когда грустите по-настоящему владение собой становится настоящей нелепостью, которая недостижима. Думается – уродство, да и только. Счастье в том, чтобы желать умереть, но не делать этого, все остальное – цепляющееся. То есть, при натуральном, искреннем желании умереть, все кажется только сегодняшним днем. Обворожительно стонущее и перенесенное уже не имеет места. Например, траурная грусть – мерзавка, при которой контроль вежливо усыхает. И при дикой веселости, когда нам искренне хорошо – контроль вторичен. Что значит растяжимое понятие «хорошо»? Оно может быть и при грусти, которая наступила после траурной грусти, при веселости, при владении собой – контроле. Счастье может исходить от чувств, а также от разума, от их сочетания в духе Поллока. Счастье настоящая проститутка и обманщица. Зная ее выпендренничество, перед ней не устоять. Мы продолжаем любить счастье, зная теперь на что оно способно. Поэтому мораль и средневековые моральные принципы должны быть отпущены, чтобы предаваться счастью благонадежно. Так что, дорогие, лучше испытывать счастье не голое, а посредственное, исходящее от контроля, от пришедшей непревзойденной идеи, от незамкнутой системы чувств – в полнейшей сочности это может быть только с желанием смерти, при этом отвергать ее можно, а потом снова желать. Но ни в коем случае не отсутствие желаний.

ПРИЗНАНИЕ.

Я растрепала все слова так, что ирокезное, притом грязное предложение – вся его структура была выпячивающейся и изломленной, ударом поражавшая. Я вбила ему в самое сердце – «Вам плевать...» – рывкнула пальцем по клавиатуре. И потеряла его терпение, милый нрав. Хотя я все еще в нем нуждалась – он недоступный, как иначе? Я делала это, чтобы его не потерять – держать в тонусе. То взбучка длинношерстная и опрокидывающая, то лестные и веселые шуточки, не просто юмор, а романтический. И романтика сама по себе. Постоянный восторг и восхваления. Да, Александр Иванович?

ЭГОИЗМ?

Я люблю его всем сердцем отчаянного человека. С шизотипическим расстройством. Я не знаю, основана ли любовь к нему на эгоизме, хотя я считаю иначе, я уже описала это выше, тем не менее эгоизм вырывается из карманчика, такой неопрятный, потому у меня есть хорошая мысль, чтобы выровнять отношение к нему. Даже если любовь эта заложена эгоцентричностью, это все равно любовь. На этот счет у меня имеется манифест, прославляющий э-г-о-и-з-м:

«Канонизировать эгоизм! Эгоизм – интерактивный пульт, как святой Моисей – gps для толпы кричащих от дикой концентрации желудочного сока. Верховенствующий над всем! Эгоизм не токсичен, это популяризованная черта, объявленная паразитической и грязной! Филантропы, как и преступники – эгоисты и трусы в глубине души, боящиеся без гнева и кровавых брызг, осознанно или нет, того, что их постигнет, если они сквозь калейдоскоп утопий не начнут помогать нуждающимся! Гримасничающие и страшющиеся бедствия, дарящие типографскую краску или скандальный писсуар PRADA антагонистам-аристократам для вознесения себя в будущем на жантильный треугольный трон какой-то организации. Вредоносный эгоизм есть, но он не поражает как Трамп, только расстраивает, заставляя писать фельетоны!

Эгоизм наш спаситель!

Эгоизм – генератор!

Эгоизм почти во всем, почти во всем!

Эгоизм должен процветать, а не этично разлагаться!

Эгоизм есть на Западе, Севере, Юге!

Добро и любовь, зло и ненависть порождает эгоизм!

Пробуждение эгоизма!

После анабиоза!

Все мы – эгоисты! Но никто не баллотируется на имя эгоиста!

«Эгоист – не оскорбление, а напоминание того, кто МЫ ЕСТЬ!»

Так что если я эгоистична, как и все, как и большинство, кто любит себя. Преступлением считать повышенное самолюбие – есть антигуманность. Но я еще не сказала, что люблю его на основании эгоизма, это только прихоть опасливая предположить, что так может быть.

ФАСТФУДОВОЕ ВДОХНОВЕНИЕ.

Мы сидели с ним в кабинете и волос его беспечный оторвался с, и так уже седеющей, головы и лысеющей. Меня это очень вдохновило.

Ветчина с прослойками жира и мяса создавала волокно, но вот, вопиющий волос упал на нее с головы. Волосы. Неаккуратность. Все такое, прочее. И как вы думаете во что перевоплотился этот волос? Он стал портящим, никчемным. Если ранее он ценился и был принят как какая-то реликвия. Ветчина наверняка хотела вытолкать волос за его громогласное вмешательство. Волос – один волос – где угодно – корявая приманка. Он так отвратителен, когда один. И на письменном столе – посланник дьявола. Хотя вообще-то все зависит, куда его сместить – он постоянно меняет имя. Ах, контекст. Почему от обычного фона так меняется слагаемое? Он играет в терапию отождествления. Когда что либо происходит с Александром Ивановичем я теряюсь в возможностях воплощения этого через «остранение» – суеязящееся лечение посредственного через подробное глубокое описание. Он лечил меня настолько проникновенно, что даже такие ситуации попросту меня оздоравливали, бессознательно его волосы падали, чтобы создать из меня энтузиаста.

СЛУЧАЙНОСТЬ – НАПОМИНАНИЕ О БЫЛОМ, КОТОРОЕ ВЫДУМАННО.

И встретила я солнцестояние в жаркую сиесту, и полюбила мужчину, который так ускоренно перебирал руками клубнику. Персидские ковры, застилающие от солнца ему глаза, висающие на прищепках в тени неоправданной. Не померкшие глаза. Огрызающиеся глаза. Это было всего-то распыление чувств, которые затем стрелой вонзились в самое сердце. Он был едкий и проворный во всех делах. За ним было не поспеть. Так что я долго приглядывалась, чтобы подкрасться и бац! Но я не сделала того. Я попросту созерцала его красоту. Вдруг. Он уронил большой тяжелый ящик с фруктами. И я затрепетала в конвульсиях о его здоровье. Витамины сделали его непревзойденным. И переливающиеся, раскачивающиеся деревья в разные стороны – составляли суматоху на фоне его целостности и почти вечной продуманной ловкости. При моем наблюдении он резко ушел вдаль, забрав с собой клубнику. Он тащился, пока я не подставила ему подножку.

– Стойте! – говорю я ласково и нежно.

– Вы толкнули меня!

– Простите...

– Да что вы!

Сколько девственной злобы – он защищается изо всех сил, сам того не зная. Но его красота была священна и непредсказуема. Я так засмотрелась на него вовремя этого молчания тет-а-тет, что рухнула без сознания и очнулась с его ликом на своих ресницах. Он был такой родной и радостный, что его потайную тревогу я даже не выяснила. Его красота была невинна, а потому всемогущая. Пульс так трещал, что я подумала это легкая смерть. Я подумала, что пережила все, что можно пережить в его насыщенности. И тогда озеро превратилось в ручей, гонимый лаской. И некуда было бежать. Я все рассказала ему. Мне никак не было под силу расточить эту объемистую проблему – сделать любовь взаимной. Какая невыгодная холодность. Я была очень раздосадована, хотя мне претила эта отверженность. Его недосыгаемость прельщала, это было так сладко.

Я придумала этот отрывок, та как мы живем не в тропическом климате, а в кардинально разложенном на времена года. Летом я с ним еще не была знакома. Так хотелось его увидеть летом, когда очаровывающее солнце светит до неприличия. Потому мы оказались в такой ситуации.

А какая разница между тем, что мы восприняли извне, что было фактически или то, что меня опрокинуло в голове моей, так окончательно и бесповоротно? Все есть субъективность. Объективность же существует формально, но, да, существует.

ПРЕТЕНЗИЯ НА ВЕЧНОСТЬ.

Ему приснился сон, и он неспешно мне об этом объявил после характерного для него педантизма в изъяснениях. Я подумала: «Это была реальность. Другая косвенная реальность, которая казалась, но тогда не казалась, а попросту существовала и в ней он участвовал. Что если мы также неотложно верим в нашу реальность, когда просыпаемся и только тогда понимаем, что та реальность, которая была такой же непревзойденной и твердой, надежной – вдруг расплылась. Так и смерть – врата для другой реальности, степень еще тверже и эта иерархия нескончаема по своим подобиям».

Меня всегда волновало то, что он говорит без отчаянности и пусть даже ехидно, но добропорядочно.

ИСТИНА ЧТО ЛИ?

«Это омыление, от которого все становится скользким – на что ориентироваться? Если оно сплошное? Мыльное от геля тело полностью захвачено – это похоже на функции истины, оседлавшей ум, когда она громогласно произнесена и выдана сама за себя. К чему ни приронься – все становится таким же. А что если истинность не предполагает вездесущность и вседозволенность на своем месте? И не претендует на липкую взывающую улыбку? Но тогда ее случившаяся каменность – есть зацементированный имидж – ошибка. Она сразу останавливается, ее уже не существует. Она или одерживает верх своей неломкостью. Но нужно добавить, что она не найдена в недрах земли или с небес не призвана, но только надуманная сверху разумом, так что нам может следует подумать о ее наивности. Тогда она лишается своего смысла. Может она существует только относительно твердо. А может нам вообще пора стереть этот термин? Чем она может стать для личности – роком или пользой? Может это некоторое отдохновение, которое нельзя отдернуть от личности, иначе только с кожей. Параметры ее тогда уже отмечены паранойей. Педагогика ее образа невидима. Она просто «истина», на которую смотрят прищурено. У нее озноб, так как она уже не то, чем была. Она не может быть роком, так как не слишком сильна. Но владеет качествами, которые обескураживают крепостью, ломают голову – пользы от нее прямой нет. Или вот стебель, терпящий сокращение – свои работы – когда он разветвляется в разные стороны, живая инсталляция, ежедневно работающая – смиловаться перед ней! Каждый несет свой крест! Но он не прогибаемый, каждый день впадает в непредсказуемость. Он строчит скоропись, если надеть на него чернила. Такой неугасаемый, пока не будет рассыпан и гноем одержимый, под покровом снежного кома, чтобы в другое время воскреснуть иным, так до скончания эпох» – я записывала, когда он сказал: «Это истинно...». А что мне еще делать, если слова его для меня очень значимы и каждый раз вырабатывается целое эссе в форме ответа.

ОН – Я.

Мимолетность еще никак его не беспокоила. Он видел сквозь предметы и лица только то, что хочет. Не знал еще сути потерянности и рефлексии, качающих на колыбели смерти извилины и падкие чувства. Но даже тогда присутствовала нетерпимость и страсть делать что-то иное. Смотреть угрюмое кино – приукрашенное время в некоторой композиции повествования, с закручиваниями, чтобы время было в глазури. Отравленное, но не с зеленым лицом от тошноты, а с ало-розовым – привлекательным, с румянцем, заволакивающим в грезы. В кино иногда звучит такая музыка, которая смазлива и нерасторопна, цепляющая только верхушки

чувств – шуршание тысячи пакетов, которые вы мнете и скомкиваете, чтобы уложить в очень узкий шкафчик. Но иногда она щелкает так зорко, согласно своему контексту, так что можно подавиться. Потом в голове высвечиваются декорации ума. В них можно плюхнуться. Разбавленная вода. Мямлит.

Я в пытливом грызущем трудоголизме, с болтливими-приговаривающими мыслями-червями сидела над книгами. Это сулило роскошь и принятие моего таланта, который пока что я пригвоздила к стене. Что-то тревожащее брелось вместе со мной. Книги по философии сразу же привели меня в кривизну. Так в позе лотоса с выпученными глазами, низвергнутыми в кажущийся невнятный смысл, я была одержима полностью понять Платона. Знать, что вы живой потенциальный гений и модернистский писака – преимущество, так как это раскрывает обаяние и шарм любого рода. Знать свою значимость того типа – большая редкость.

И вот я кралась днем в поисках небесного, но находила камень, прилипший к кроссовку. Так что употребление нежной красавицы силы воли, едкой монады, кромсая ее, обчистив до дна Небес, рассеяв – она так миротворна. О! Голодный холод в груди и голове! Сварливый ураган! Все трепещет, но выразить никак!

Как-то раз помощь, проявленная в назойливой блеклости, застегнутая на все пуговицы! – проявление доброты – «однажды» – только сейчас можно описать, как «однажды», так как я уже выздоровела от этого поступка, который однажды неаккуратно и сварливо обнажил меня! Смирная, догадывающаяся доброта была проявлена им. Своей лебединой нежностью с изначально свойственной ему старанием, к которому он уже давно привык. Он сжал в своем прозрачно-розовом кулаке мое сердце – форма песочных часов. О, ожидание! О, неповторимый, уже посредственный момент, который уже как-то обозначен, обозначен тоской о былом. Момент с широтой многофункционального океана. Помог он, на основании желания, зиждящегося на необходимости делать то, что умеешь. Все умеют помогать, плохо или хорошо, все. Почти никто не делает это хорошо, только прилично. Вот он один из них. Упитанность его взглядов показались мне нездоровыми, притом, что он владел своим прелестным личиком. Под надутыми правилами, о которых нужно говорить в ворчащем тихом тоне, так как сам на себя злишься из-за очень подозрительной правдивости – откуда эта ловкость в помощи? Если его цель была правда помочь – откуда эта убежденность, что он этим действительно поможет. Я хотела стать гением. Но он пронесся пустынным вихрем с парой предложений, надев мне на горло, удлиняющее шею африканское ожерелье. Удушье от прямоты. И тяжелым ножом мясника были порезаны только проявляющиеся у тельца признаки воли жить, не подавшего даже голоса от возвышенной беспомощности, в которых скрыта вся прелесть всех начинаний и предположений. Кровавая смерть, замеченная остальными как бархатная – ошеломительная скрытность, замаскированная под скрытность, которая притягивает. Утопание в горьком шоколаде его видения. Теперь я парус, влекомый дыханием одной его ноздри. Что значит помогать? Разве это не выражение своих навыков, которые не нуждаются в строгой оценке со стороны, которые уже изначально надушены отношением с полузакрытыми глазами на то, как в действительности эта помощь работает. Замечается сам акт – желание помочь. Какая скользкая деятельность – помогать! Что за невинное владение и подавление Другого? Если нечто выдается за что-то приятное, хотя по сути это является самодовольным проявлением своего опыта. Откуда помогающему известно, что мне в действительности нужно? Если мне даже это неизвестно, по крайней мере, во всей полноте. Какое угнетение он мне подарил в своих обволакивающих манерах спокойного тона, который может разразиться укусом комара. Почему сомнения на счет собственного будущего, вытасценные им наружу, вдруг стали гореть с дымом и треском? Ведь они все время шагали у меня в голове стеснительной походкой, но вот заговорили властно и нетерпимо! Что ж, если он подцепил их всеми своими нежными ногтями милых пальцев, мне необходимо заняться собой! С голодной грудью я бродила и металась в сырости пива. Искала на дне кружек паузу, конец той глубины, которую ощущала в груди.

Угнетающая просторность, через которую проходили чужаки в грязной одежде, хотя может и приятные детишки, которые представлялись хулиганами.

ПОВОРОТ ИЗЫСКАННЫЙ.

Да. Я не могла напиться взаимностью. Он меня ласково отвергал. Мне пришлось затянуться куда-то. Поэтому я делала и писала вот, что: Они стремятся к Абсолюту, что предполагает нечто неявное, что нельзя задать под что-то неуловимое, захватить его – ровно тому, чтобы махать в воздухе рукой и думать, что каждый раз вы словили воздух. Если вы можете определить бога каким-то образом или фигурой и верить, что он как-то выглядит, считайте, что вы сели на него задницей мифологических определений.

Это очень безответственное подавление его пониманием через фигуративность. Они верят в абсолютную правду. Причем единственную, которая при всей возвышенности претендует на дурацкое ограничение. Причем это не просто контур. Я бы тоже хотела верить, что есть какая-то точка, причем одна, или плоскость, которой можно достигнуть. Верить в нечто, что меня поприветствует. Как это дружелюбно звучит. Хотя нет, мой въевшийся, насквозь пронзивший меня скептицизм в полицейских манерах кричит о запрете.

И все-таки, как может слагаться между собой то содержание (приблизительное понимание того, что есть нечто, к чему можно стремиться, что это нечто высшего порядка), в которое они верят. А также, верят в форму (фигуру, которая обозначает это высшего порядка), но держат слишком близко к друг другу, так что даже не могут их вовсе разделить и в брыканиях защищают форму – вспомогательный посредственный элемент! Они защищали фиолетового Кришну, верили, что он такого цвета – существует!

Без всякого свирепства, скорее с некоторой детской алчностью, я хочу вмешаться в эту веру и не растрепав ее, только прояснить цену этой значимости, которая заставляет взывать в спокойствии и как бы скрывает в своих объятиях трепет и сомнения, которые воспринимаются как нечто чужеродное и постыдное.

Я, влекомая слегка подмигивающей несостоятельностью взглядов кришнаитов, стала проскальзывать сквозь обряды и правила, пережевывая с пристрастием свой новый опыт. Чтобы затем его выровнять и пролистать этот серьезный журнал.

Воспевание в плясках, как отряхивание с рукава куртки насекомого, уборка в храме, которая также есть прославление Кришны, тренировка маркетинговых навыков, работа в саду. Как все это отличающееся в конечном счете опасением за собственное неблагополучие – несчастный случай, смерть, которая непредсказуема, которая оборвет их натянутое до упругости счастье, иногда брынькающее мимо аккордов.

У каждого есть свое представление о Боге.

«Представление или Воображение о Боге». Вам не кажется, что значение слов «Собственное Представление», «Собственное Воображение», «Бог» – отличаются между собой только в степени концентрации и насыщенности. Так если Бог – есть некоторое продление до переливающегося через края от насыщенности обозначения – это представление, куда ведет вся организованность понимания, основанная на личном опыте и знаниях. На объедках повседневности, на презрении к ним, на их неуклюжем отрицании, фильтрации – вырастает Бог, как нечто отличающееся от привычного – Бог, как Собственное представление, Воображение о том, что нам кажется, мы не имеем представления. Это открытость, ненастороженность, не бдительность, рассеянность взгляда. Так, как можно приписывать в заслугу Богу какие-то происшествия? Бог есть недостаточность рефлексии, есть краткое описание противоположности отождествления себя только с явными мыслями, с тем, что воняет привычностью.

Кроме того, день кришнаиты проводили так: медитация с джапой, которая длилась два часа, что можно было вытерпеть при соревновательном отношении друг к другу, когда в голове стучит стыд за леность, недостаточную самодисциплину, которая может быть замечена другими.

Hare krisna hare krisna krisna krisna hare hare hare ram hare ram ram rama hare hare –

О, повторение, стелющее грозные скатерти над прорастающими бутонами непонимания, веселящих твердые концепты в голове и самосознание, толстые пенопласты духовности, стишки с прелестными консонантами, мысль начинает рыть себе яму, становясь корнем сорняка.

Затем кришнаиты пели разного рода восхваления Кришне, с урчанием в груди, от бессознательного понимания, что это потрепанная упрощением деятельность стирает все живое интеллекта. Потом «прасад» – это еда никак не подчеркивала аскетический стиль жизни, скорее что-то богемное скрывалось в ее вкусе. Им даже подавали сладости.

Почему такой упрощенный стиль жизни, не требующий усилий, стремления к превосходству, но наоборот поощряющий повторения, не требующий преодоления, серьезных испытаний, почему такой стиль, вы считаете, может привести к Абсолютному? Если используемые средства не предполагают ничего, чтобы содержало приближение к Абсолюту.»

Это приближение к чему-то распостертому, что нельзя предположить, названное Абсолютом. Названное. Это тусклость интеллекта, ссора с мыслями как рыцарями жизни, игнорирование интерпретаций, но только наклеивание правил из Бхагавад-Гиты на ум. При том, что наклейки иногда начинают отклеиваться – это не страшно, ведь их так много, что скомканные и сдутые мыслями о чем-то другом, они все равно составляют стену мусора, держащую их поблизости на поводке липкого захвата повторения.

Наш мир – есть «Майя» – говорили монахи – это энергия Кришны, одна из гун материальной природы, которая есть нечто, к чему не должно быть отношения – все прелести мира должны быть обезличены.

Однажды мы ехали в американском фургоне в центр города, чтобы с группой монахов начать прославлять имя Кришны в восклицаниях, которые из-за легкой стесненности голоса монахов нуждались в микрофоне. Мы пели имя Кришны, проносились мимо коровьих глаз прохожих и линии телефонных вспышек мелькали, творя пьяный пунктир в пространстве, которое казалось космически непреодолимым. С чувством превозношения нектара сухой жизни мы обливали всех спешащих прохожих. Я чувствовала себя мессией – образ явления с небес обтекал мою походку и лицо. Я ходила вместе с ними, желая испытать чувство вторжения под видом чужих, чтобы ловить на себе взгляды ошеломленности.

Когда мы возвращались на том же фургоне «Фольксваген», который мягко говорил о своей конструктивности. Младенческий лепет стекол и дверей, колес и руля, которые мягко говорили во всей организованной классической простоте, вытягивая меня из болота отрицания эстетики. Каждый мой взгляд, брошенный мелкой галькой, создавал отек представлений, их запор от накопления замеченных картинок действительности, которые я иногда старалась, потехи ради, обезличить, ведь роскошь их редактирования и изменения была непозволительна. Хотя крик их был воспринят за шепот, я была оглушена сдерживанием метаний. Молчание с надутыми от напряжения щеками. Сдерживала дыхание. Я искала тишину.

Бог есть надежда, есть дырявое представление, которому потенциально позволительно развиваться в разных направлениях, которому вы присваиваете все, что непонятно. Но зачем садиться на что-то столь чудесное задницей фигуративных определений? Обязательно ли на некоторые вещи закрывать глаза?

Наверное, я пишу об этом из зависти, что мои глаза краснеют от того, что всегда открыты, не моргают.

Можно ли совмещать веру с вмешательством назойливого анализа, который организует и образует разные связи, не позволяющие закрывать глаза на некоторые вещи? Я хочу верить и получать пользу от этой веры! Как избавиться от желания пользы? Но безобидная корысть –

дочь целесообразности – имеют свои тела, свои струящиеся жизни? Убийство! О, непонятно как замеченное убийство!

Непонятно как замеченное убийство. Могу ли я отыскать принцип религии, который позволяет жить в поиске и вечной жажде, в наслаждении в ее неявленных прелестях, сулящих о себе в мираже? Могу ли я поклоняться абсурдности? Ничего не утратив, не пожертвовав тем, что мне действительно дорого? Удивительно, что религия всегда основана на выборе. Хотя сама постоянно предполагает умеренную сглаженную страсть, которая равна одному безоговорочному решению или равна пониманию того, что все должно быть так-то. Абсолют, основанный на принципе двойственности. А можно ли прославляя бога или Собственное Представление, Воображение через более честную собственную веру в себя, в необоснованную веру в будущее.

Вера, которая выдергивается из повседневности, со скоростью пули в мигательных движениях, составляя новую привычность, которая лишает это слово смысла. Мной замечен принцип прославления бога, как принцип нецелесообразности или веры, которая иногда держится на волосах маленькой девочки. Бхагавад-гита требует, чтобы не ждали результата от своей деятельности.

БЕЗ А.И. ОКОНЧАТЕЛЬНО. КАК Я ДУМАЮ.

Сейчас я безвылазно пытаюсь писать сквозь очаровывающую мою грудь мою грудь хандру, преодолевать взъерошенную скуку, которая заставляет становиться на голову. Разгуливать по комнате в поисках новой боли, которая затмит старую, к которой я уже привыкла. Бить себя по щекам и пытаться читать какие-то тексты.

Я придумала немного иной способ, который более шаловливый и зазывающий, не провоцирующий быть ханжой, так как доставляет удовольствие своей игривостью.

Как-то раз я купила в «Лидл» – супермаркете, разные продукты. Потом я начала ими пользоваться и отношение к ним было гипер-аккуратное. Не то, чтобы из-за почтения к их изворотливой, почти дешевой красоте, которая им присуща больше, чем это требует покупатель, чтобы купить этот продукт, который, в свою очередь, разрисован со всей старательностью.

Так я искала место для пачки с порошком. Пачка фиолетового цвета. В левом углу изображена дверца от барабана стиральной машинки, из которой уверенно вылезла в твердой позе майка, часть которой еще принадлежит дверце стиральной машинки. Под подмышками майки виднеется синий фон, как будто она не бежит и не желает уходить. Нежный голубой цвет просто не против если майка желтого цвета выйдет на прогулку и позволит себя показать. Голубой и желтый. Небо и солнце в сосредоточении стиральной машинки. В правом углу нарисована схематически корзина с одеждой, причем корзина и одежда – одинаковые и сливаются в целом фиолетового и белого цветов. Производитель как бы намекает на надежность чистоты, которая со всем сливается. То, что она имеет такой же цвет, как и упаковка порошка подчеркивает, что порошок ответственен за свои действия. Затем значок круглой формы, с надписью «Улучшенное качество», такого же цвета, как вылезаящая из дверцы майка, как бы предполагает, что майка приобретет нечто большее или же будет очень хорошо выстирана – без повреждений. Название порошка «ФОРМИЛ» – находится по центру круговорота, который составляет форму эллипса, он розово-сиреневого цвета, который затем переходит в синий, а затем в белый, предполагая некоторое вторжение в невинность своей явной действительностью. Как я могу обращаться с этим порошком, кроме адекватного необходимого пользования – для стирки одежды. Остается ли порошок самим собой, когда он закончится. Можно ли считать порошком его упаковку, при том, что там остались крупички, прилипшие на стенку.

Я могу поставить его на батарею в коридоре, даже если гораздо удобнее оставить его в ванной. Все-таки я могу поставить его где-то еще, чтобы он был объектом созерцания, со своей легко продуманной краткой структурой, которая слегка объясняет и не призывает или не молчит напыщенно, как произведение искусства. Он есть воплощение скрытой претензии

на искусство. Он радует меня. «Материальная интерпретация». Новое видение. Дать жизнь вещам после смерти. Интерпретировать и творить на каждом шагу, ничем не жертвуя. Инкубатор возможностей. Расставляя их, я не задаю им никакого обозначения, **НО ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ЦЕННОСТИ**, которая может раскрыться – радует меня. Или незавершенность образа подушки, которая обернута в кофту, на которой я сплю – такая наволочка для нее есть корсет для дамы средневековья. Но вдруг я замечаю ее слияние с этой кофтой, через некоторое время и здесь виднеется союз – натуральный, только теперь эта незавершенность в одеянии уже не позволяет смотреть на подушку как на нечто используемое только для сна. Незаконченная необходимость блестит своим антипризывом. Уже не ясно, о чем она говорит, будучи завернутая в кофту. Слегка намекает, что на ней все еще можно спать, намекает, что ничто этому уже не помешает. В отличии от наволочки не орет о сне. Наволочка – предсказуемый маркетолог!

ОТВЕРГНУТАЯ НА 90%.

Я начала вести аскетический образ жизни – ела только яблоки и морковь, заставляла себя принимать ледяной душ и делала упражнения разного тяжелого рода – заставляла себя составлять их, когда уже не оставалось сил. Затем, когда в трудовом стиле готовилась сверх меры, днем и ночью к экзаменам, не из-за предстоящей сложности, а из-за принципа трудоголизма. Этот опыт есть перенаправленная энергия – тип любви или что-то близкое к нему. Или недостаточность собственного эго, которое заставило зацепиться за нечто более явное и подходящее, чтобы проявиться как-то! Что раньше и что, чем вызвано?

Вещи, много вещей, в одеянии слов скрипят в голове, которые сгладят муторные слова до нежного крема, который напеваает глазам серенаду. Кругом земля в гордом приступе изломанного механизма уединенности. Туда-сюда переливается кровь, кардио-нагрузки. От рациональности к иррациональности с летучестью и апофеозными замашками угнетает своими рейсами. Брякающее сердце в груди и ладони, приложенные к нему, вдруг стали кулаками – уже сидящими в грудной клетке. Безделье, обмотанное брезгливостью к взгляду на настоящий момент. Парящее вдохновение было страждущим, оно валялось на полу сознания, обкусанное стаей старых воспоминаний. Воспоминания эти были полупрозрачные и искусанные, дезориентированные шоковой терапией. И только Венгерский танец номер 4 звучит и отвечает, разлитый в хрестоматийной заносчивости полотном католической смерти, которая сулит вечность.

Обручиться со звуками музыки, низвергающими в обитель грез, посыпанную потенциальным возвращением, которое так и не дает быть поглощенным.

Ползучее раздражение с вытянутым собачим языком в пустыне раздевает до усталости.

И не смочь прикрепить совокупность основных требований к бытию в разодранных системах на кого-то совершенно отдаленного от этих мироощущений.

Дух, сознание, воля – все склоняются в повседневном кивке этому. Нет никакой метафизики чувств.

Где же текст со всем святым воинством, сидячий у меня на плече?

Надежда дает мужество и делает меня хрупким Гераклом. Атрофия чувств.

Галлюцинирую на крыше в полночь или на заре у меня, но не получается.

С расширенными зрачками созерцаю дым от сигареты, слепленный с колыхающимися деревьями – вижу эту невнятность через новизну, красоту.

ОТВЕРЖЕННАЯ 95%.

И тогда он пришел под тромбоны, как мессия, в целлофановом пакете – так пикантно – стал он много читать стихов и вошел во вкус и имидж его пролился сквозь поэзию, а без поэтики не представлял он свою жизнь. И написал он много стихотворений и не отличался скупостью в создании антуража на бумаге – все было сжато, но сочно, во всем совокуплении. Во всем совокуплении всех слов он находил не только красоту, но лейтмотив жизни с воскли-

панием. И обнял он заостренную поэзию и заставил корчиться от броскости и новой блузы. И сокрушенная девственница – поэзия была в припадках, в гневных припадках – уже не слонялась среди древних и небритых. Он заглядывал в окна частных домов. А также находил только заброшенные в воздух структуры и облизывал их координацией и грацией – они становились такими размашистыми, как его почерк, что не помещались в один том – так бурлила его голова. Он баловался словами так, да сяк. Он ни на что не претендовал, но как хлестко он писал, что выходило как ангелы по лестнице, ни разу не спотыкаясь.

И он тянулся от своих слабостей и стал сердцедедом, потому что так решил и завоевал сердце трех красоток, так что они были опечатаны им сверху донизу. И посвятил им троем поэмы и наконец-то напечатался – его опубликовали из-за их алых губ и хрупких ручонков, в нем проснулась новая муза.

И вот однажды он написал роман-автобиографию, так как с ним произошло нечто удивительное.

Его сбила машина и видел он коричнево-оранжевого фавна.

И он влюбился в фавна, его звали Александром – он глотал его голос, такой сладкий, что хочется подержать его в ушной раковине вечность, забитость слуха теперь станет нормой, главное, чтобы этот голос звучал в его голове навсегда, на автопилоте без батареек и в засуху ушных раковин, и в мороз, который будет стучаться в них зимой, когда он не наденет шапку. И красоту этого голоса никак не передать, он бездорожный.

Руки фавна – очень крепкие, аккомпанирующие его амбициям в такт вознесения амброзии его души.

Он весь благостный и пестрящий изобилием открытости. Великодушный и непостижимый. Он изливается от собственного перламутрового ветрила, который гонится его дивной внешностью. И восседает от перевоспитания и глохнет от глубокого стечения обстоятельств – он как глюкоза для языка. Движитель неосторожно замкнутых вершин, которые никогда не разразятся улыбкой. И дисквалифицирован от себя своей добротой и самоотверженностью – Дитя Божье. И добродетель удержал в руках своих. Единицу власти к себе не присовокупил, но естественно жестикулировал при отклике на свое имя. И жизнерадостность дарил и опрыскивал своим жезлом все вокруг.

Александр зарозовел от знакомства со мной, но не сразу. А я почти сразу почувствовала вязкую связь, всю обкапанную любовью, как будто все звуки остановились – звукоизоляция появилась из долин холодных. И землетрясение в сердце стало наигранно биться слишком идеализированно. И рассуждение об этой любви можно было бы приравнять к рассуждению об инфузории. Интонировать, говоря об этом струнным квартетом. По анналам головы разлеталась эта симфония любви и кроткой привязанности. Потревожились заостренные камыши, испарилась канализация.

Комбинация этих чувств залилась цветами всех цветов, и не было никакого компромисса, только замороженность купидона от конусообразного копья, символизирующего фаллос. Башня тура была построена в честь Александра в голове Августа. И было после этого какое-то междоусобие – метательное с характером – фавн не принимал любви его друга – Августа.

Спустившись к нему, он хотел только дружбы и не переполняющего чашу чувства, которое некуда деть.

– Что ты такое думаешь, Август? – вскричал фавн.

– Я влюблен в твои чары! – ответил дерзко Август.

– У меня нет никаких чар, ты все это выдумал, имея галлюцинации о теплоте и принятии...

– Что ты такое говоришь?

– Я с тобой здесь, чтобы ты не сошел с ума.

– Ясно. Ну, и на этом спасибо.

При разговоре Август робел перед Александром. Но его потаенные желания было невозможно скрыть – обнять, поцеловать фавна – послушать как он звучит, как звучит его душа в это время. Он больше ничего не хотел.

– Что мне делать, Александр, если я в тебя влюблен?

– Подумай над этим и займись чем-то другим.

– Я же в коме, чем я могу заниматься?

– Ты можешь как раз сейчас достичь пределов рациональности и стать философом, абстрагируясь от чувств.

– Но я иррационален по натуре, хотя люблю поразмышлять.

О бытии я могу сказать, что оно идет на самотек, пока его не словишь голыми руками и раздавишь, как бедное насекомое. А потом сверху выстраиваешь надуманные алгоритмы, как и при поэтическом сочинительстве. Отличие в стилистике. Бытие есть здание, архитектура которого, всегда имеет один фундамент, но дальше каким будет это здание – дворец, вилла, небоскреб – все зависит от степени надуманности, которая уместна.

И так рассуждал наш погибающий, или возможно будущий жить птенец Август. Он все больше размышлял.

Но вот он вышел из комы. Он начал искать фавна – он так же смиренно сидел у него в голове, кома дала им познакомиться ближе.

Август жил один, у него не было семьи, так что никто не пришел его проведать. Он аккуратно приподнялся, чтобы оглядеть все вокруг. И все вызывало тошнотворность, в отличии от чертог разума, где он побывал и он захотел умереть и посвятить свою жизнь фавну, и отключил все блоки питания, он начал расслабляться – и умер.

– Фавн! – крикнул он сразу.

Но фавна уже не было, он был нужен, чтобы предавать жизни смысл. Но он ушел добровольно из жизни!

Так он и кричал всю вечность имя Александра...

– Александр!

Так я написала рассказик, чтобы запинать мысль о безвозмездном и лучащемся светом белым Александра Ивановича.

ОТВЕРЖЕННАЯ НА 99%. БЕЗУМИЕ.

Как можно ходить в черно-белой одежде – полностью незащищенным, так как при контакте со средой, она плескает опрыскивает, она может запятнать индивидуальным уродством, анти-вкусом, а когда вы одеты как картина Кандинского, то этот мощный стиль отразит этот ужас-неужас.

ОТВЕРЖЕННАЯ НА 99,5% – ВОЗДЕРЖАНИЕ ОТ ОБЩЕНИЯ С НИМ – РАДИ НЕГО ЖЕ.

Любовь к нему была только сравнением с любовью, которую я испытывала к Бабушке. Я ищу ее снова. Он помогал мне приблизительно так же, как и она. Я влюбилась в черты и качества его и видела в нем эти категории.

И поскольку взаимности, даже не ослепительной, а кивающей не быть – я начну описание того, что теперь меня может меня волновать, пусть даже наипростейшее.

ПЮРЕ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ БЕЗ А.И. В ГЛАВНОЙ РОЛИ.

ИЛИ ВОПИЮЩИЕ И ИЩУЩИЕ УКРАДКОЙ.НАЧАЛО ДРУГИХ НАБЛЮДЕНИЙ.

День плутал в ожидании прикосновения, но они стряпали ехидные салаты или что-то из мяса, в болтовне о несущем радость мгновении, не подозревая, что оно ощутимо и может быть подвержено внутреннему разглашению, хотя бы знакомству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.